Проклятые экономики

В начале марта 2020 года известный инвестиционный менеджер, основатель и CEO Movchan's Group Андрей Мовчан анонсировал в посте на Facebook выход книги об «экономических проклятиях», которую он написал в соавторстве с аналитиком Алексеем Митровым. «В процессе [написания] находится очень много интересных историй и фактов, прям хоть загадки пиши», — заметил тогда Мовчан. И без промедления загадал загадку. Причем первому комментатору, предложившему правильный ответ, пообещал вручить подписанную книгу, как только тираж выйдет из печати.

После недолгих размышлений автор этих строк смело разместил свой вариант ответа и оказался чуть ли не первым (или вовсе первым?) комментатором, но одновременно — героем известного анекдота, который знал все буквы, но не смог назвать слово: вместо имени политика, которое ожидал увидеть Андрей Мовчан, под фейсбучным постом с загадкой и по сию пору гордо красуется название страны, которой этот политик руководил. Результат странного помутнения сознания очевиден — автографами Мовчана и Митрова похвастаться не придется, но книга от этого не становится менее интересной. Осенью она наконец вышла из печати в издательстве «АСТ».

«Проклятые экономики» — это почти 500 страниц неспешного, вдумчивого, но в то же время захватывающего чтения. Жанр повествования все время ускользает: философские рассуждения сменяются захватывающими историями, разбавленными педантичным перечислением фактов и цифр (по всей книге разбросано почти 700 ссылок на первоисточники), обобщения перетекают в ответы на вероятную критику читателей, а в финале можно обнаружить идеи для политиков и общественных деятелей о том, как избежать «экономических проклятий». Вопросы, на которые отвечают авторы, сформулированы прямо на обложке: «Почему государства терпят крах? Что заставляет народы разрушать свои экономики? Чему учат нас примеры разных стран и экономических эпох?». Саспенс нагнетают по-голливудски чеканные слоганы: «5000 лет, 5 континентов, 37 стран. Они думали, что процветание будет вечным. Они ошиба-

лись. Они дорого заплатили за это». Само повествование стартует с Древнего Египта и заканчивается современными Соединенными Штатами Америки (что? да!). Между этими крайними точками на страницах книги достигают расцвета, а затем терпят крах Киевская Русь и Китай, Османская империя и Аргентина, Испания и Иран, а также прочие страны и государства. В качестве бонус-трека — написанная уже в период пандемии дополнительная глава об эпидемиях как драйвере глобальных кризисов.

А теперь, собственно, загадка, о которой упоминалось в начале:

«Назовите политика, который, будучи президентом одной нефтедобывающей страны:

(1) Правил более 20 лет.

(2) Уверял всех, что он демократ.

(3) Активно увеличивал добычу нефти в стране и уверял, что рост благосостояния страны — это его заслуга.

(3) Ввел в правило манипуляцию голосами на выборах.

(4) Поскольку Конституция запрещала ему быть президентом два срока подряд, он сперва посадил в кресло президента своего ставленника на один срок, потом вернулся обратно и увеличил срок президентства с 4 до 6 лет. Когда же и эти два срока подходили к концу — он внес поправки в Конституцию.

(5) Все «высоты» во власти и экономике во время его правления заняли его друзья, которые уверяли, что управляют страной «особым научным путем»; экономика сильно централизовалась за время его правления, большие сектора были национализированы — вернее, перешли его друзьям.

(6) Период его правления получил специальное название по его имени.

(7) Экономика в течение последних 10 лет его правления не росла, несмотря на огромные «национальные проекты»; особенно значительно пострадали здравоохранение и образование — количество занятых в этих областях сокращалось».

Узнать правильный ответ можно, прочитав главу 15.4 из книги «Проклятые экономики» Андрея Мовчана и Алексея Митрова. А в кажущейся очевидности ответа, конечно, вся соль.

Борис Федоров

В этом номере Cbonds Review мы публикуем отрывок из книги «Проклятые экономики», который повествует о том, как страна, претендовавшая на вхождение в пятерку крупнейших экономик мира, превратилась в бедного изгоя, связанного по рукам и ногам средневековыми религиозными ограничениями.

«ПРОКЛЯТЫЕ ЭКОНОМИКИ». ГЛАВА 18. РОКОВЫЕ РЕФОРМЫ (С СОКРАЩЕНИЯМИ)

В 1963 году в Иране прошел всенародный референдум и шах Мохаммед Реза Пехлеви запустил программу радикальных экономических и социальных реформ — «Белую революцию». Аграрная реформа, фактическая отмена местного аналога крепостного права, а также ускоренная индустриализация с привлечением иностранного капитала были тремя главными направлениями развития.

Правительство выкупало по рыночной цене у помещиков землю и передавало ее крестьянам по цене на 30% ниже рыночной, с отсрочкой платежа на 25 лет при практически нулевых процентах. Два миллиона крестьянских семей (9 млн человек, около 40% населения) получили землю в 1960-х годах.

Но землю получили не все. Право купить участок имели только те, кто ее непосредственно обрабатывал. Сельские сезонные рабочие стали покидать деревни и перебираться в города. Многие новые собственники земли так же продавали ее и пополняли городское население. В 1900 году в Персии 20% населения жило в городах — уже тогда страна была достаточно урбанизирована. В 1966 году там проживал 31% населения страны, в 1978 году — более 50%.

Реформы в первые же годы привели к быстрому росту экономики. Были созданы целые новые отрасли промышленности: металлургия, нефтехимия, судостроение, автопром — всё то, что последовательно блокировалось духовной элитой в течение конца XIX и начала XX века. Доля промышленности в ВВП страны выросла с 27 до 72%, Иран к 1970 году стал 14-й экономикой мира, а Мохаммед Реза Пехлеви объявил, что целью реформ является достижение пятого места в мире по ВВП (эту цель он провозгласил аж на 40 лет раньше Путина). В 1976 году ВВП на душу населения (около $6.8 тыс.) был больше, чем в СССР, и в восемь раз больше, чем в Китае. Забегая вперед, сегодня Иран — 29-я экономика мира, а уровень в $6.8 тыс. ВВП на человека Ирану не удалось превзойти до сих пор.

Пехлеви был сосредоточен на абстрактной конечной цели — индустриализация, эффективность аграрного сектора, рост ВВП. Следствием реформ, которые финансировались за счет нефтедолларов в ущерб социальным программам и не предусматривали никакой поддержки населения, стала смена индустриальной палитры в государстве, в котором подавляющее большинство граждан до того либо работали на земле (их количество быстро сокращалось с внедрением новых методов земледелия и ростом импорта продуктов питания), либо были заняты ремесленным производством — последних вытесняли повсеместно создаваемые фабричные производства.

Появление крупных обувных заводов ликвидировало кустарный пошив обуви. Развитие нефтехимической промышленности и местное производство пластмассовой посуды уничтожали гончарное ремесло.

Развитие металлургии позволило наводнить рынок металлическим литьем и штамповкой и свело на нет деревообработку. Переселенцев из деревень и теряющих рынок ремесленников ждали организованные властями программы обучения, которые должны были подготовить их к работе на фабриках. Но оказалось, что уровень образования и у тех и у других, а также менталитет, сформированный в традиционной среде, не позволяли вчерашним крестьянам, гончарам, резцам по дереву, стеклодувам и кустарным ткачам успешно переучиваться. Образовательные программы не функционировали. На работу массово завозились иностранцы.

Иранские ремесленники и связанные с ними торговцы — «базари» были, несмотря на отсутствие значительных капиталов, хорошо структурированы в сети–корпорации, внутри которых недовольство изменениями быстро приводило к организованному протесту. Вчерашние крестьяне и сельские работники, даже мигрируя в города, сохраняли свою связь с деревней.

Оттуда приходили плохие вести о невозможности конкурировать с импортными продуктами, о неэффективности обработки крохотных наделов, о развале устоявшейся цепочки создания стоимости, появлении множества безработных и нищих и росте преступности. В деревню из городов шли новости о невозможности найти жилье и работу, о дороговизне и шокирующем попрании основных принципов шиизма — разврате, неуважении к старшим, употреблении алкоголя, игнорировании молитв и постов, использовании сомнительных современных механизмов. Шах действительно был «либералом» — он пытался быстро воспроизвести европейскую модель и проводил светские реформы в образовании и правоприменении, дал женщинам право голоса, отменил ограничения в одежде.

Простые люди за ответами шли в мечети и встречали в них мулл, которые и сами были вне себя от действий шаха. В первые же годы реформ он существенно сократил земли духовенства (так называемые вакуфные владения, земли, переданные в прошлом в бессрочную аренду или собственность специальным агентам исключительно на религиозные цели), а в 1976 году отменил государственную поддержку исламских организаций.

Более того, шах не скрывал своей стратегической идеи вернуться к идеологической доктрине Ирана как правопреемника и наследника Персидской империи Ахеменидов и, соответственно, зороастризму. В 1971 году шах организовал празднование 2500–летия персидской империи в Персеполисе — древней столице Персии; в 1976 году он объявил о замене календаря — годы в Иране должны были начать отсчет от восшествия на престол Кира Великого.

В результате за 10 лет реформ шах настроил против себя всех: помещиков, лишившихся земель; крестьян, которые теряли рынки сбыта и беднели в новой неэффективной системе землепользования; ремесленников и торговцев, которых вытесняли новые производства; простых людей, привязанных к традициям и испуганных отказом от прежнего образа жизни, разрешенной государством «распущенностью» молодежи и иностранными влияниями; духовенство, привыкшее управлять широкими массами населения и контролировать значительные активы и вдруг оказавшееся перед перспективой полной утраты влияния.

Но шах как будто не хотел замечать ситуации. Ему пришлось силой подавлять сопротивление помещиков и духовенства, разогнать Меджлис, создать тайную полицию, действия которой вызывали еще большую ненависть в обществе — в тюрьме оказались до 100 000 политических заключенных. Следствием протестов было ограничение свобод; действия тайной полиции заставили последние существенные страты иранского общества — интеллигенцию и студенчество — встать в оппозицию к шаху. В результате самые разные по своим интересам и убеждениям силы были объединены одной идеей — устранить шаха и изменить общественное устройство, остановив «европеизацию» общества.

Возможно, шаху даже и удалось бы довести до конца реформы, и постепенно проблемы основных групп населения были бы решены. Но для этого надо было более эффективно управлять макроэкономическими параметрами. Нефтяное изобилие привело к стандартным перекосам: с 1973 по 1978 год казна получила более $100 млрд от реализации нефти, из которых $40 млрд было потрачено на спецслужбы и армию, столько же — на плохо продуманные промышленные мегапроекты и лишь 20% — на другие цели. Постоянное стремление финансировать большие проекты поддерживалось мягкой монетарной политикой и высокой инфляцией. Политическая жестокость режима привела к тому, что капитал уже к 1975 году стал утекать из страны — за 1977 и 1978 годы из Ирана было вывезено $70 млрд. В результате формальный рост ВВП сопровождался высоким уровнем бедности и периодической угрозой голода в целых провинциях.

К 1978 году президент США Картер убедил шаха смягчить репрессии и выпустить из тюрем несколько тысяч убежденных борцов с режимом. Последние немедленно возглавили массовые антиправительственные действия.

19 августа 1978 года в городе Абадан иранская молодежь собралась в кинотеатре «Рекс» на просмотр фильма «Олень» — культовой картины иранского режиссера, содержащей жесткую критику текущей политической и экономической ситуации в стране. Через 21 минуту после начала сеанса четыре человека забаррикадировали входные двери в кинотеатр, облили их бензином и подожгли. По разным данным, от 400 до 800 человек сгорели заживо. Исламисты обвинили в поджоге тайную полицию, а сторонники шаха не без оснований обвиняли самих исламистов: из–

вестно, что тем крайне не нравился кинотеатр, который, невзирая на их угрозы, показывал эротику; силам шаха же не было никаких причин совершать такой акт варварства.

Начались массовые манифестации по всей стране. Шах ввел военное положение и запретил массовые мероприятия. Ответом была всеобщая забастовка, экономика остановилась. США отказались поддерживать шаха, и тяжелобольной Мохаммед Реза в январе 1979 года бежал из страны, оставив власть премьер-министру Шапуру Бахтияру. У последнего был выбор — на кого из трех сил оппозиции опереться: на вновь собираемый «национальный фронт», выступавший за светский Иран без западного влияния, на социалистов, поддерживаемых СССР, или на фундаменталистов. Он сделал выбор в пользу фундаменталистов: в феврале 1979 года после 15-летней ссылки в Иран из Франции вернулся лидер духовенства аятолла Рухолла Хомейни. Хомейни, однако, не собирался никого поддерживать — он вернулся брать власть.

«Белая революция» сменилась исламской. Результаты исламской революции по своим масштабам превосходят даже результаты большевистского переворота в России в 1917 году. Светская страна, которая стояла на пороге потери исламом ключевого значения, в течение нескольких лет пережив период массовых репрессий, превратилась в бастион ультраконсерватизма. Введены жесткие ограничения в одежде. Произведена тотальная чистка СМИ, запрещены иностранные фильмы, главным уроком в школе стало изучение ислама, вся доисламская цивилизация Ирана объявлена несуществующей. В уголовном кодексе появились такие наказания, как побитие камнями и распятие на кресте (за преступление против республики). Вся публичная сфера стала подчиняться нормам ислама. Ни о какой эротике и алкоголе теперь не могло быть и речи.

Через два года после революции производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции упало на 30–50%, инфляция выросла до 30–35% в год, валютные резервы уменьшились на 60%. Было национализировано около 80% всей промышленности. В частных руках в основном остались мелкие фирмы.

Во внешней политике США были объявлены главным врагом, Израиль — целью на уничтожение. Произошел захват заложников в посольстве США. США в ответ заморозили иранские активы. Санкции включили в себя полный запрет гражданам и компаниям США вести бизнес в Иране и участвовать в совместных предприятиях с иранскими компаниями. Иран оказался в международной изоляции.

К 2020 году, спустя 40 лет после исламской революции, Иран остается бедной страной. ВВП на душу населения составляет менее $6000 — это в два раза меньше, чем у соседней Турции, которую Иран опережал перед революцией. Падение ВВП составляет примерно 2.5% в год в последние годы. Инфляция в 2019 году скакала в пределах от 25 до 40% годовых, рост цен за 12 месяцев 2019 года на потребительские товары составляет от 50 до 100%. Иранская валюта (риал) не является свободно конвертируемой, но на черном рынке ее курс за последние полтора года упал втрое. Экономика страдает от высочайшей коррупции, перегруженного социального сектора и, разумеется, от западных санкций, наложенных на Иран из-за ядерной программы.

Основой экономической системы Ирана является уникальная сеть исламских (то есть контролируемых духовенством и в интересах духовенства) компаний. Созданные еще при шахе, они были преобразованы в специальные фонды, по сути, холдинги, управляемые государством. Эти компании размещают заказы на государственные средства частным организациям, представляющим интересы крупных чиновников, руководства КСИР (корпуса стражей исламской революции, местных силовиков), высшего духовенства. Экономика держится на инфраструктуре, построенной еще при шахе. За последние 40 лет страну покинуло более 4 млн человек (5 % населения), в основном студенчество, интеллигенция, бизнесмены.

В последние два года в Иране усилились антиправительственные настроения, и участились акции протеста, но до очередной революции еще далеко, да и кто может в Иране прийти к власти вместо полностью занявших собой всё политическое поле ультраортодоксов, неясно. Ясно другое — политическая и экономическая катастрофа, превратившие страну — кандидата на вхождение в лигу развитых стран с современным обществом — в бедного изгоя, общество в котором связано средневековыми религиозными ограничениями, состоялась не в год революции, а гораздо раньше — тогда, когда реформаторы стали использовать ресурс, имеющийся у государства, на проведение реформ, не задумываясь о последствиях для общества и о готовности самого общества принять проводимые реформы. Примеров подобных рукотворных катастроф множество — режим Альенде в Чили, в частности. Да и реформы в России в 1990-е годы, хотя сами по себе и не привели к открытой революции, но массовое недовольство тем, как они проводились, стало основой для идеологической поддержки политики «реставрации», которую в XXI веке проводила власть в России под руководством президента Путина и его окружения. Россия спустя 30 лет после начала нашего века значительно продвинулась по пути «иранизации», растеряла весь свой экономический импульс, погрязла в политике изоляционизма и конфронтации с развитыми странами и стремительно наращивает репрессивный аппарат — и истоки этого также лежат не в 2000 году, когда к власти в стране пришел молодой ставленник уходящего президента Ельцина, а в ошибках реформ, отвративших население от идеи построения либерально-капиталистического современного общества.